

АЙЗЕК АЗИМОВ

ДЭВИД СТАРР,
КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР

Лакки Старр

Айзек АЗИМОВ

**Дэвид Старр,
космический рейнджер**

«ЭКСМО»

1952

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Азимов А.

Дэвид Старр, космический рейнджер / А. Азимов — «Эксмо»,
1952 — (Лакки Старр)

ISBN 978-5-04-092592-6

Дэвид «Счастливчик» Старр, самый молодой член Научного Совета – правительства мира будущего, – отправляется с чрезвычайной миссией на Марс. Он должен выяснить причину таинственных смертельных отравлений – ведь это угрожает Земле, полностью зависимой от поставок продовольствия с марсианских ферм. Сумеет ли он раскрыть заговор и заслужить гордое звание Космического Рейнджера?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-092592-6

© АЗИМОВ А., 1952
© ЭКСМО, 1952

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Айзек Азимов

Дэвид Старр, космический рейнджер

Isaac Asimov

David Starr, Space Ranger

Copyright © 1952 by Isaac Asimov.

Isaac Asimov writing as Paul French.

Copyright © 1952 by Doubleday and Company, Inc.

© Д. Арсеньев, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Уолтеру Брэдбери,

без которого эта книга не была бы написана

От автора

Эта книга была впервые опубликована в 1952 году, и описание поверхности и атмосферы Марса соответствует астрономическим представлениям того времени.

Однако с 1952 года знания астрономов о Солнечной системе необыкновенно расширились благодаря использованию радаров и ракет.

28 ноября 1964 года космический аппарат, известный как «Маринер IV», вылетел в направлении Марса. 15 июля 1965 года «Маринер IV» обогнул Марс на расстоянии немного менее 6000 миль, записал данные и сделал фотографии, которые были по радио отправлены на Землю.

Оказалось, что плотность марсианской атмосферы равна лишь одной десятой того, что считали раньше. Вдобавок фотографии показали, что поверхность Марса усеяна кратерами, похожими на лунные. С другой стороны, не было обнаружено никаких признаков каналов.

Последующие космические аппараты, направленные в сторону Марса, показали, что на Марсе меньше воды, чем думали раньше, и что его ледяные шапки, видимые с Земли, состоят из замерзшей двуокиси углерода, а не из воды.

Это значит, что жизнь в любой форме гораздо менее вероятна на Марсе, чем считали астрономы в 1952 году.

Надеюсь, что читателям тем не менее книга понравится, но я не хотел бы, чтобы их ввел в заблуждение материал, считавшийся «точным» в 1952 году, но с тех пор устаревший.

АЙЗЕК АЗИМОВ

Ноябрь 1970 г.

Глава 1

Сливы с Марса

Дэвид Старр в тот момент как раз смотрел на этого человека и поэтому видел, как все произошло. Он видел, как этот человек умер.

Дэвид терпеливо дожидался доктора Хенри, наслаждаясь при этом атмосферой новейшего ресторана Интернационального Города. Наконец-то он мог по-настоящему отпраздновать свой диплом и статус полноправного члена Совета Науки.

Ожидание не вызывало у него раздражения. Кафе «Верховное» все еще блестело от свежей хромосиликоновой краски. Приглушенный свет, ровно разливавшийся по всему залу, не имел видимого источника. На столе Дэвида, у стены, стоял маленький блестящий куб, в котором виднелась крошечная трехмерная копия оркестра, чья негромкая музыка доносилась из глубины зала. Палочка дирижера представляла собой полудюймовую движущуюся вспышку. Поверхность стола была самой современной модификацией силового поля и, если бы не специальное мерцание, оставалась бы совершенно невидимой.

Спокойные карие глаза Дэвида внимательно изучали соседние столики, полускрытые в нишах; Дэвид занимался этим не со скуки, а потому, что люди интересовали его гораздо больше новейших технологических побрякушек, которые были собраны в кафе «Верховное». Трехмерное телевидение и силовые поля были чудом десять лет назад, но с тех пор к ним привыкли. Люди же не меняются, и даже теперь, через десять тысяч лет после постройки пирамид и пять тысяч лет после взрыва первой атомной бомбы, в них кроется неразрешимая загадка и нечто удивительное.

Девушка в красивом платье негромко смеялась, глядя на сидевшего напротив нее мужчину; человек средних лет в неудобном выходном костюме набирал номера меню робота-официанта, а его жена и двое детей внимательно следили за ним; два бизнесмена оживленно разговаривали за десертом.

Именно тогда, когда взгляд Дэвида упал на бизнесменов, это и произошло. Один из них, с налитым кровью лицом, конвульсивно дернулся и попытался встать. Второй, слабо вскрикнув, протянул к нему руку в тщетной попытке помочь, но первый уже упал в кресло и начал медленно сползать под стол.

Дэвид вскочил и в три шага преодолел расстояние между столиками. Прикосновением пальца к сенсору рядом с телевизором он опустил фиолетовый занавес с флюоресцирующим рисунком на открытую сторону ниши: теперь сцена не привлечет внимания. Многие посетители вообще предпочитали такое уединение.

Второй бизнесмен, потрясенный всем происшедшим, наконец обрел голос. Он сказал:

– С Мэннингом что-то случилось. Какой-то припадок. Вы врач?

Голос Дэвида был спокойным и ровным. В нем звучала уверенность:

– Сидите спокойно и не шумите. Сейчас здесь будет управляющий, и все, что возможно, будет сделано.

Он поднял упавшего, как куклу, хотя тот был плотного телосложения. Потом отодвинул как можно дальше стол; пальцы его при этом сверхъестественным образом задержались в дюйме над поверхностью силового поля стола. Затем он положил человека в кресло, растянул магнитный зажим его куртки и начал делать искусственное дыхание.

У Дэвида не было иллюзий. Он знал эти симптомы: неожиданный прилив крови к лицу, утрата голоса и дыхания, несколько минут борьбы за жизнь – и конец.

Занавес отлетел в сторону. Управляющий удивительно быстро отозвался на сигнал тревоги, который Дэвид нажал перед тем, как покинул свой столик. Управляющий был низенький, полный, в черном тесном костюме консервативного кроя. Он явно был взволнован.

– Здесь что-то... – Он, казалось, съежился при виде неподвижно лежащего человека.

Оставшийся в живых посетитель говорил с истерической поспешностью:

– Мы обедали, когда у моего друга произошел приступ. А кто этот человек, я не знаю.

Дэвид оставил свои тщетные попытки. Отбросив густые каштановые волосы со лба, он спросил:

– Вы управляющий?

– Я Оливер Гаспер, управляющий кафе «Верхнее», – с удивлением ответил толстяк. – Кто-то со столика 87 подал сигнал тревоги, но столик пуст. Мне сказали, что молодой человек только что вбежал в нишу столика 94, и вот я здесь. – Он повернулся. – Пойду за врачом.

Дэвид сказал:

– Не торопитесь. Бесполезно. Этот человек мертв.

– Что?! – воскликнул второй и бросился к приятелю с криком: – Мэннинг!

Дэвид удержал его, прижав к столу.

– Спокойней. Помочь ему нельзя, а шуметь не нужно.

– Да, да! – быстро согласился Гаспер. – Нельзя расстраивать других посетителей. Но послушайте, сэр, все же врач должен осмотреть этого беднягу, чтобы установить причину смерти. Я не могу допустить нарушений закона в своем ресторане.

– Мне жаль, мистер Гаспер, но в данный момент я запрещаю осмотр этого человека кем бы то ни было.

– О чем это вы говорите? Если человек умер от сердечного приступа...

– Давайте не устраивать бесполезных дискуссий. Как вас зовут, сэр?

Оставшийся в живых посетитель покорно ответил:

– Эжен Форестер.

– Ну что ж, мистер Форестер, мне нужно точно знать, что ели вы и ваш спутник.

– Сэр! – Маленький управляющий смотрел на Дэвида выпученными глазами. – Вы полагаете, что причина в пище?

– Я ничего не полагаю. Я задаю вопросы.

– У вас нет права расспрашивать. Кто вы такой? Я требую, чтобы этого беднягу осмотрел врач.

– Мистер Гаспер, это дело Совета Науки.

Дэвид обнажил внутреннюю поверхность запястья, загнув гибкий металлитовый рукав. В первое мгновение была видна только кожа, потом она потемнела и появился черный овал, внутри которого блеснули и заплясали желтые огоньки, образуя знакомый рисунок Большой Медведицы и Ориона.

Губы управляющего задрожали. Совет Науки – не официальный правительственный орган, но его члены зачастую значили больше, чем правительство.

Он сказал:

– Простите, сэр.

– Не нужно извиняться. Мистер Форестер, ответьте, пожалуйста, на мой первый вопрос. Форестер пробормотал:

– Мы заказали обед номер три.

– Оба?

– Да.

– Были ли какие-нибудь замены?

Дэвид углубился в лежащее на столике меню. Кафе «Верховное» предлагало вземные деликатесы, но обед номер три был одним из наиболее обычных на Земле: овощной суп, телячьи отбивные, жареный картофель, горошек, мороженое и кофе.

– Да, замена была. – Форестер нахмурился. – Мэннинг заказал на десерт марсливы.

– А вы нет?

– Нет.

– А где эти марсливы сейчас? – Дэвид когда-то пробовал их. Сливы, растущие в обширных теплицах Марса, сочные и бескосточковые, со слабым ароматом корицы, дополняющим фруктовый вкус.

Форестер сказал:

– Он их съел. А что, вы считаете?..

– За какое время до приступа?

– Примерно за пять минут, мне кажется. Мы даже не закончили кофе. – Он болезненно поблел. – Они отравлены?

Дэвид не ответил. Он повернулся к управляющему:

– Что вы скажете о марсливах?

– В них не было ничего ненормального. Ничего. – Гаспер в волнении схватил занавес и лихорадочно скомкал, но при этом продолжал бормотать еле слышным шепотом: – Свежая поставка с Марса, проверенная и одобренная правительством. Только за последние три вечера мы продали несколько сотен порций. Ничего подобного не случилось.

– Все равно, прикажите исключить марсливы из меню, пока мы не проверим их вторично. А теперь, на случай, если дело не в них, пожалуйста, принесите какой-нибудь пакет, чтобы мы смогли забрать остатки обеда для проверки.

– Сейчас. Сейчас.

– И, конечно, никому об этом не рассказывайте.

Управляющий вернулся через несколько секунд, вытирая вспотевший лоб носовым платком. Он сказал:

– Никак не могу этого понять. Никак не могу.

Дэвид сложил в пакет пластиковые тарелки с остатками пищи, добавил то, что осталось от поджаренных булочек, закрыл вощеные чашки, в которых подавали кофе, и отставил их в сторону. Гаспер перестал непрерывно потирать руки и потянулся к контакту на краю стола.

Но Дэвид опередил его, и, вздрогнув от неожиданности, управляющий обнаружил, что его запястье крепко стиснуто сильными пальцами.

– Сэр, но крошки!

– Я их тоже заберу.

С помощью карманного ножа Дэвид собрал все крошки, острое лезвие легко скользило по невидимой поверхности силового поля. Самому Дэвиду не нравились подобные столешницы. Их абсолютная прозрачность вовсе не способствовала расслаблению. Обедаящие, видя висящие в пустоте тарелки и чашки, испытывали напряжение. Приходилось слегка выводить поле из фазы, что вызывало непрерывное мерцание и создавало впечатление твердой поверхности.

В ресторанах же такие столы пользовались популярностью, поскольку нужно было лишь слегка, на долю дюйма, приподнять поле, чтобы уничтожить все прилипшие крошки и капли. Только закончив собирать остатки пищи, Дэвид позволил Гасперу проделать эту операцию, вначале отключив предохранитель, а затем используя специальный ключ. Поверхность стола в момент стала совершенно чистой.

– Еще минутку. – Дэвид взглянул на циферблат своих часов, потом слегка отогнул занавес. – Доктор Хенри! – позвал он негромко.

Долговязый мужчина средних лет, сидевший за тем самым столом, за которым пятнадцать минут назад сидел Дэвид, вздрогнул и удивленно оглянулся.

Дэвид улыбнулся.

– Я здесь! – И прижал палец к губам.

Доктор Хенри встал. Костюм висел на нем, редкие седые волосы были тщательно зачесаны на лысину.

– Мой дорогой Дэвид, ты уже здесь? – спросил он, подходя к нише. – А я думал, что ты опаздываешь. Но что случилось?

Улыбка исчезла с лица Дэвида. Он ответил:

– Еще один.

Доктор Хенри зашел за занавес, взглянул на мертвого и пробормотал:

– Надо же!

– Никак не ожидал увидеть такое прямо здесь, – заметил Дэвид.

– Я думаю, – доктор Хенри снял очки и прочистил их слабым силовым полем своего карманного очистителя, – я думаю, лучше закрыть ресторан.

Гаспер беззвучно, как рыба, глотнул воздух и сдавленно произнес:

– Закрыть ресторан?! Он открыт всего неделю. Это катастрофа. Настоящая катастрофа!

– Всего лишь на час или около того. Нужно убрать тело и осмотреть вашу кухню. Вы ведь хотите, чтобы мы раскрыли загадку пищевого отравления, и для вас будет гораздо менее удобно, если мы будем заниматься всем этим в присутствии обедающих.

– Очень хорошо. Ресторан будет в вашем распоряжении, но мне нужен час, чтобы все посетители кончили обедать. Надеюсь, огласки не будет.

– Никакой, уверяю вас. – Морщинистое лицо доктора Хенри было очень серьезно. – Дэвид, позвони в Зал Совета и попроси Конвея. У нас для таких случаев разработана процедура. Он знает, что нужно делать.

– А я должен оставаться? – неожиданно вмешался Форестер. – Я плохо себя чувствую...

– Кто это, Дэвид? – спросил доктор Хенри.

– Он обедал вместе с умершим. Его зовут Форестер.

– Ага. Боюсь, мистер Форестер, вам придется поболеть здесь.

В ресторане было холодно, и он производил неприятное впечатление своей пустотой. Пришли и ушли молчаливые оперативники. Они тщательно, атом за атомом, проверили кухню.

Теперь в зале остались только доктор Хенри и Дэвид. Они сидели в пустой нише. Света не было, а кубики трехмерного телевидения на каждом столе ничем не отличались от простых стекол.

Доктор Хенри покачал головой.

– Мы ничего не выясним. Я это знаю по опыту. Прости, Дэвид. Не так мы хотели отметить твой выпуск.

– Для этого еще будет время. Вы в своих письмах упоминали случаи пищевого отравления, так что я был подготовлен. И все же я не думал, что нужна такая абсолютная секретность. Если бы я об этом знал, постарался бы быть осторожнее.

– Бесполезно. Нельзя вечно скрывать это дело. Мало-помалу информация просачивается. Люди видят, как человек умирает за едой, потом слышат об аналогичных случаях. И всегда за едой. Плохо дело, а будет еще хуже. Ну, поговорим об этом подробнее завтра, когда будешь у Конвея.

– Подождите! – Дэвид пристально посмотрел в глаза старшему собеседнику. – Что-то беспокоит вас больше, чем смерть одного человека или даже смерть тысячи. Что-то, чего я не знаю. Что это?

Доктор Хенри вздохнул.

– Боюсь, Дэвид, что Земля в большой опасности. Большинство Совета в это не верит, Конвей убежден лишь наполовину, но я уверен, что эти преднамеренные пищевые отравления

есть хитрая и жестокая попытка захватить контроль над экономической жизнью Земли и над парламентом. И до сих пор, Дэвид, совершенно неизвестно, кто за этим стоит и как это осуществляется. Совет Науки совершенно беспомощен!

Глава 2

Житница в небе

Гектор Конвей, глава Совета Науки, стоял у окна своего кабинета на последнем этаже Башни Науки, стройного сооружения, возвышающегося над северными пригородами Интернационального Города. Город сверкал в ранних сумерках. Скоро вспыхнут белые огни вдоль оживленных пешеходных дорог. Как жемчуга, будут переливаться здания, когда оживут окна. Центральное место в пейзаже, открывающемся из окна, занимали отдаленные купола Залов Конгресса и среди них здание Исполнительной Власти.

Он был один, никто не мог его потревожить, кроме доктора Хенри, – автоматический замок кабинета был настроен на его отпечатки пальцев. Конвей чувствовал, что его напряжение начало спадать. Скоро здесь будет Дэвид Старр, неожиданно и чудесным образом выросший и готовый к исполнению своего первого поручения в качестве члена Совета. Конвей ждал его, будто собственного сына. Впрочем, в некотором смысле так оно и было. Дэвид Старр – его сын: его и Августаса Хенри.

Вначале их было трое: он сам, Гус Хенри и Лоуренс Старр. Они вместе учились, вместе поступили в Совет Науки и вместе проводили первые расследования; а затем Лоуренс Старр получил повышение. Этого следовало ожидать: из них троих он был самым талантливым.

Он получил должность на Венере, и впервые за все время они взялись за новую работу не вместе. Лоуренс улетел с женой и сыном. Жену звали Барбара. Прекрасная Барбара Старр! Ни Хенри, ни сам Конвей так и не женились: ни одна девушка не могла сравниться с Барбарой в их памяти. Когда родился Дэвид, они стали дядей Гусом и дядей Гектором, так что ребенок в конце концов стал путаться и называть отца дядей Лоуренсом.

А потом на корабль, в котором семья Лоуренса летела на Венеру, напали пираты. Это было массовое убийство. Пираты не берут в космосе пленных, и через два часа свыше ста человек были мертвы. Среди них – Лоуренс и Барбара.

Конвей помнил день, помнил даже минуту, когда эта новость достигла Башни Науки. Патрульные корабли ринулись в космос, выслеживая пиратов; они атаковали пиратские логова в астероидах с беспрецедентной яростью. Поймали ли они того самого пирата, который взорвал идущий на Венеру корабль, так и осталось неизвестным, но с этого года силы пиратов были значительно подорваны.

Патрульные корабли обнаружили кое-что еще: крошечную спасательную шлюпку, летящую по опасной орбите между Венерой и Землей и издающую по радио холодные автоматические призывы о помощи. Внутри нашли ребенка, испуганного четырехлетнего мальчика, который много часов отказывался говорить, повторяя только:

– Мама сказала, чтобы я не плакал.

Это был Дэвид Старр. События, рассказанные им, были увидены детскими глазами, но представить случившееся было нетрудно. Конвей и по сей день ясно видел эти последние минуты на погибающем корабле: Лоуренс Старр умирает в контрольной рубке, куда врываются пираты; Барбара с бластером в руке с отчаянной торопливостью усаживает Дэвида в шлюпку, стараясь как можно лучше настроить приборы, и выпускает шлюпку в космос. А потом?

У нее в руках было оружие. До последнего мгновения она использовала его против врагов, а когда это стало невозможно, – против себя.

Конвею было больно думать об этом. Больно было и тогда, и он хотел сопровождать патрульные корабли, чтобы своими руками превращать пиратские пещеры в пылающие океаны атомного уничтожения. Но члены Совета Науки, сказали ему, слишком ценны, чтобы риско-

вать ими в полицейских акциях, – поэтому он остался дома и читал бюллетени новостей, едва они появлялись на ленте телепроектора.

Вместе с Августасом Хенри они усыновили Дэвида и посвятили свои жизни тому, чтобы стереть ужасные воспоминания из его памяти. Они стали для Дэвида отцом и матерью, лично присматривали за его воспитанием, растили его с одной мыслью: сделать его таким, каким был Лоуренс Старр.

Он превзошел их ожидания. Ростом с Лоуренса, шести футов в высоту, длинноногий, жесткий, с холодными нервами и мышцами атлета, с четким, точным умом первоклассного ученого.

И кроме того, в его каштановых, чуть волнистых волосах, в ясных, широко расставленных карих глазах, в ямочке на подбородке, которая исчезала, когда он улыбался, – во всем этом было что-то, неуловимо напоминавшее Барбару.

Он пронесся сквозь годы обучения, оставляя за собой след искр и пепла от прежних рекордов как на игровых полях, так и в аудиториях.

Конвей был обеспокоен.

– Это неестественно, Гус. Он превосходит отца.

А Хенри, который не верил в праздные речи, попыхивал трубкой и гордо улыбался.

– Мне не хочется этого говорить, – продолжал Конвей, – потому что ты будешь надо мной смеяться, но есть в этом что-то не вполне нормальное. Вспомни, ребенок двое суток находился в космосе, от солнечной радиации его защищал лишь тонкий корпус шлюпки. Он находился всего лишь в семидесяти миллионах миль от Солнца в период максимальной активности.

– По-твоему, Дэвид должен был сгореть? – спрашивал Хенри.

– Не знаю, – пробормотал Конвей. – Воздействие радиации на живую ткань, на человеческую живую ткань имеет свои загадки.

– Естественно. Это не та область, в которой можно проводить эксперименты.

Дэвид окончил колледж с высочайшими баллами. На дипломной работе он умудрился выполнить оригинальную работу по биофизике. Затем, несмотря на молодость, стал полноправным членом Совета Науки.

Четыре года назад Конвея избрали главой Совета. За подобную честь он отдал бы жизнь, но он хорошо понимал, что, если бы Лоуренс Старр жил, избран был бы более достойный.

После этого его контакты с Дэвидом стали редкими и случайными, потому что быть главой Совета Науки означает посвятить себя проблемам всей Галактики. Даже на выпускных экзаменах Конвей видел Дэвида лишь мельком. За последние четыре года они и разговаривали-то едва ли четыре раза.

Поэтому его сердце так забилося, когда он услышал, как открывается дверь. Он повернулся и быстро пошел навстречу вошедшим.

– Гус, старина, – Конвей протянул руку. – Дэвид, мальчик!

Прошел час. Была уже ночь, когда они смогли перестать говорить о себе и обратились к делам Вселенной.

Начал Дэвид. Он сказал:

– Я сегодня впервые был свидетелем смерти от отравления, дядя Гектор. Я знал достаточно, чтобы предотвратить панику. Но хотел бы знать больше, чтобы помешать самому отравлению.

Конвей мрачно кивнул.

– Столько не знает никто. Я полагаю, Гус, это был опять марсианский продукт?

– Не могу отрицать это, Гектор. В деле фигурируют марсианские сливы.

– Было бы хорошо, – опять заговорил Дэвид Старр, – если бы вы рассказали мне все, что мне дозволено знать.

– Все очень просто, – горько усмехнулся Конвей. – Ужасно просто. За последние четыре месяца около двухсот человек умерло сразу после употребления в пищу выращенных на Марсе продуктов. Яд неизвестен, и симптомы не указывают ни на какую болезнь. Быстрый полный паралич нервов, контролирующих работу диафрагмы и мышц груди. Вследствие этого паралич легких и смерть через пять минут.

Дело даже хуже. В нескольких случаях жертвы были обнаружены вовремя, к ним применяли искусственное дыхание, как сделал и ты, и даже искусственные легкие. Все равно смерть через пять минут. Останавливается сердце. Вскрытие же не показывает ничего, кроме невероятно быстро развивающегося поражения нервов.

– А сама отравленная пища? – спросил Дэвид.

– Тупик, – ответил Конвей. – Отравленный кусок или порция полностью усваиваются. Другие образцы того же сорта на столе и в кухне абсолютно безвредны. Мы скармливали их животным и даже добровольцам. Исследование содержимого желудка мертвых не дает никаких результатов.

– Откуда же вы тогда знаете, что пища отравлена?

– Потому что смерть во всех случаях наступает после приема в пищу марсианских продуктов – это не просто совпадение.

– И, по-видимому, болезнь не заразна, – задумчиво сказал Дэвид.

– Нет. Хвала звездам за это. Но и без того положение тяжелое. Пока нам удастся сохранять все в полной тайне, спасибо Планетарной полиции. Двести смертельных случаев за четыре месяца для населения Земли – все еще ничтожное число, но оно может увеличиться. И если люди Земли будут считать, что любой кусок марсианской пищи может оказаться их последним, – последствия будут ужасны. Даже если будет умирать по-прежнему пятьдесят человек в месяц из пяти миллиардов жителей Земли, каждый сочтет, что он может оказаться в числе этих пятидесяти.

– Да, – согласился Дэвид, – а это значит, что рынок марсианской пищи перестанет существовать. Огромные убытки для марсианских фермерских синдикатов.

– Это еще что! – Конвей пожал плечами, отбрасывая проблему фермерских синдикатов, как нечто незначительное. – А больше ты ничего не видишь?

– Вижу, что сельское хозяйство Земли не сможет прокормить пять миллиардов человек.

– Точно. Мы не можем прожить без продуктов с колониальных планет. Через шесть недель на Земле начнут умирать с голода. И если люди будут бояться марсианской пищи, предотвратить голод не удастся. Я не знаю, сколько мы еще продержимся. Каждая новая смерть – это новый кризис. Разнесут ли об этом последнем случае теленовости по всему свету? Всплывет ли правда? И к тому же существует еще теория Гуса.

Доктор Хенри откинулся, утрамбовывая табак в трубке.

– Я уверен, Дэвид, что эпидемия пищевых отравлений – не естественный феномен. Он слишком широко распространен. Сегодня в Бенгалии, на следующий день в Нью-Йорке, потом на Занзибаре. За этим кроется чей-то разум.

– Говорю тебе... – начал Конвей.

– Если какая-то группа пытается захватить контроль над Землей, что может быть лучше, чем ударить по нашему слабейшему месту – запасам продовольствия? Земля – наиболее населенная планета Галактики. Это естественно, поскольку она родина человечества. Но именно это делает нас слабыми, так как мы не можем прокормить себя. Наша житница в небе: на Марсе, на Ганиমেде, на Европе. Если прекратить импорт любым способом – пиратскими нападениями или гораздо более тонко, как сейчас, – мы быстро станем беспомощны. Вот и все.

– Но если это так, не должна ли такая группа связаться с правительством, хотя бы для того, чтобы предъявить ультиматум? – спросил Дэвид.

– Пожалуй, так, но, возможно, они ждут своего часа, ждут, чтобы мы созрели. Или они напрямую связаны с фермерами Марса. Колонисты себе на уме, они не доверяют Земле и, в сущности, если поймут, что их благополучие под угрозой, могут присоединиться к преступникам. Может быть, даже, – он яростно запыхтел трубкой, – они сами... Но я никого не обвиняю.

– А моя роль? Что, по-вашему, должен делать я? – спросил Дэвид.

– Позволь мне ему объяснить, – сказал Конвей. – Дэвид, мы хотим, чтобы ты отправился в Центральную лабораторию на Луне. Ты будешь членом группы, занимающейся исследованием этой проблемы. В настоящий момент там получают образцы всех продуктов, доставляемых с Марса. Мы обязаны найти там отравленную пищу. Половина всех образцов скормливается крысам, остальные исследуются всеми доступными нам способами.

– Понимаю. И если дядя Гус прав, у вас, вероятно, есть еще одна команда на Марсе?

– Очень опытные люди. Ну а ты готов отправиться на Луну сегодня же?

– Конечно. В таком случае могу ли я уйти, чтобы подготовиться?

– Разумеется.

– Не будет ли возражений против того, чтобы я летел в своем корабле?

– Вовсе нет.

Оставшись одни в пустом кабинете, двое ученых долго молчали, глядя на сказочные огни города.

Наконец Конвей сказал:

– Как он похож на Лоуренса! Но ведь он так молод. Дело опасное.

Хенри спросил:

– Ты на самом деле считаешь, что это сработает?

– Несомненно, – Конвей рассмеялся. – Ты слышал его последний вопрос о Марсе. Он не собирается отправляться на Луну. Я хорошо его знаю. Это лучший способ защитить его. Официальные записи будут утверждать, что он на Луне; Центральной лаборатории приказано доложить о его прибытии. Когда он на самом деле окажется на Марсе, твои заговорщики, если они существуют, не заподозрят, что он член Совета, а он, конечно, сохранит инкогнито, думая, что дурачит нас. – И, помолчав, добавил: – Он умен. Он может сделать то, чего не можем мы. К счастью, он еще молод и им можно управлять. Через несколько лет это будет невозможно. Он будет видеть нас насквозь.

Негромко звякнул коммуникатор. Конвей включил его.

– В чем дело?

– Личное сообщение для вас, сэр.

– Для меня? Передавайте, – он удивленно посмотрел на Хенри. – Может, заговорщики, о которых ты болтаешь?

– Открой, тогда и увидим, – предложил Хенри.

Конвей вскрыл конверт. В несколько мгновений он просмотрел послание, потом рассмеялся, бросил его Хенри и откинулся в кресле.

Хенри подобрал листок. На нем было лишь две строчки: «Пусть будет по-вашему. Лечу на Марс». И подпись: «Дэвид».

Хенри расхохотался.

– Все в порядке, тебе пока удастся управлять им.

И Конвей не мог не присоединиться к нему.

Глава 3

Работники для марсианских ферм

Для прирожденного землянина Земля – это третья планета звезды, известной жителям всей Галактики как Солнце. Но в официальной географии понятие «Земля» включает нечто гораздо большее: Землей являются все тела Солнечной системы. Марс – такая же Земля, как сама Земля, и мужчины и женщины Марса – тоже земляне, хотя живут на другой планете. Во всяком случае по закону. Они принимают участие в голосовании за Всепланетный Конгресс и за Планетарного Президента.

Но это лишь постольку поскольку. Земляне Марса считают себя особой и лучшей породой, и новичку предстоит пройти долгий путь, прежде чем марсианские фермеры перестанут видеть в нем просто туриста, ничего из себя не представляющего.

Дэвид Старр почувствовал это почти сразу, как только вошел в здание Бюро набора работников на фермы. Вслед за ним вошел маленький человек. Настоящий малыш, не больше пяти футов двух дюймов. Если бы их с Дэвидом поставили лицом к лицу, то нос этого человечка как раз уперся бы Дэвиду в грудь. У вошедшего были светло-рыжие прямые волосы, зачесанные назад, и широкий рот. Одет он был в типичный для Марса двубортный комбинезон с открытым воротом и ярко раскрашенные, доходящие до щиколоток сапоги, столь популярные среди марсианских фермеров.

Дэвид направился к окну, над которым горела надпись «Наем на фермы». За ним послышались шаги, и высокий голос окликнул его:

– погоди. Замедли шаги, приятель.

Маленький человек смотрел на него.

Дэвид спросил:

– Я могу быть вам полезен?

Окинув его взглядом с ног до головы, человечек протянул руку и небрежно уперся в талию землянина.

– Как давно со старых сходней?

– С каких сходней?

– Ты довольно массивен для землянина. Там у вас тесно?

– Да, я с Земли.

Руки коротышки одна за другой опустились вниз, ловко щелкнув о голенища его сапог. Это был фермерский жест самоуверенности.

– В таком случае, – сказал он, – может, ты подождешь и позволишь местному уроженцу заняться делом?

– Пожалуйста, – ответил Дэвид.

– А если у тебя есть возражения, можем разобраться с ними, когда тебе будет удобно. Меня зовут Верзила. Я Джон Верзила Джонс, но можешь любого в городе просто спросить о Верзиле. – Он помолчал, потом добавил: – Это мое прозвище, землянин. Возражений нет?

Дэвид серьезно ответил:

– Вовсе нет.

Верзила сказал:

– Хорошо, – и направился к окну, а Дэвид, чье лицо расплылось в улыбке, как только Верзила повернулся к нему спиной, сел и стал ждать.

Он всего двенадцать часов на Марсе. За это время Дэвид успел только зарегистрировать под вымышленным именем корабль в большом подземном гараже за пределами города, снять на ночь номер в одном из отелей и часа два побродить по городу под куполом.

На Марсе только три таких города, и это неудивительно, так как содержание огромных куполов и создание непрерывного потока энергии, поддерживающего в городах земную температуру и силу тяжести, обходятся очень дорого. Этот, Винград-сити, названный так в честь Роберта Кларка Винграда, первого человека, достигшего Марса, – самый большой.

Он почти не отличается от любого земного города, как кусочек Земли, вырезанный и пересаженный на другую планету; как будто жители Марса, в самой ближайшей точке орбиты отстоящие от родины на тридцать пять миллионов миль, пытались скрыть этот факт от самих себя. В центре города, где эллипсоидальный купол достигает четверти мили в высоту, есть даже двадцатипятиэтажные здания.

Не хватает только одного. Нет солнца и голубого неба. Купол прозрачен, и, когда светит солнце, его свет равномерно рассеивается на всех десяти квадратных милях. Но интенсивность света в любом месте купола невысока, и небо кажется бледно-бледно-желтым. Создается впечатление облачного дня на Земле.

Когда наступает ночь, купол постепенно бледнеет и растворяется в абсолютной беззвездной черноте. Но тут вспыхивают уличные огни, и Винград-сити становится еще больше похож на земные города. В зданиях искусственный свет используется круглосуточно.

Дэвид Старр поднял голову при громких звуках голосов, донесшихся со стороны окна.

– Говорю вам: это черный список! Клянусь Юпитером, меня занесли в черный список! – кричал Верзила.

Человек за окном, казалось, заволновался. У него были пушистые баки, которые он нервно перебирал пальцами.

– У нас нет никакого черного списка, мистер Джонс... – попытался он урезонить разошедшегося малыша.

– Меня зовут Верзила! В чем дело? Ты боишься быть дружелюбным? Несколько дней назад ты меня называл Верзильой.

– У нас нет черных списков, Верзила. На фермах просто не нужны работники.

– О чем это ты болтаешь? Тим Дженкинс позавчера получил работу в две минуты.

– У Тима Дженкинса опыт в управлении ракетами.

– Я не хуже Тима могу управлять ракетой.

– Да, но ты здесь обозначен как сеятель.

– И очень хороший. Что, сеятеля не нужны?

– Послушай, Верзила, – уговаривал человек за окном. – Я внесу тебя в список. Это все, что я могу сделать. Как только что-нибудь подвернется, я дам тебе знать. – Он отвернулся и устался в книгу записей, с деланой сосредоточенностью читая ее страницы.

Верзила отошел от окна, но потом через плечо бросил:

– Ну ладно, но я буду сидеть здесь, и, как только ты получишь запрос на работника, я туда отправлюсь. Если меня не захотят принять, я хочу, чтобы они сами мне об этом объявили. Мне, ты понял? Мне, Дж. Верзиле Дж., лично!

Человек в окне ничего не ответил. Что-то бормоча себе под нос, Верзила сел. Дэвид Старр встал и подошел к окну: в здании никто не появился, и оспаривать его очередь было некому.

Он сказал:

– Мне нужна работа.

Человек поднял голову, взял бланк занятости и ручной принтер.

– Какая работа?

– Любая работа на ферме.

– Вы родились на Марсе? – спросил клерк, отложив принтер.

– Нет, сэр. Я с Земли.

– Извините. Никакой работы.

– Послушайте. Я могу работать и нуждаюсь в работе. Великая Галактика, здесь что, действует закон против приема на работу землян? – воскликнул Дэвид.

– Нет, но вряд ли вы сможете работать на ферме, не имея никакого опыта.

– Но мне все равно нужна работа.

– Легко найти работу в городе. Следующее окошко.

– Я не могу работать в городе.

Человек за окном задумчиво посмотрел на Дэвида, и тот без труда разгадал значение его взгляда. Люди прилетали на Марс по многим причинам, и одна из них – Земля для некоторых становилась слишком неудобным местом жительства. Когда объявлялся розыск беглеца, города Марса тщательно прочесывали (в конце концов, они ведь часть Земли), но никто и никогда не находил разыскиваемого на марсианских фермах. Для фермерских синдикатов лучший фермер – тот, кому больше некуда деться. О таких беглецах заботились и защищали их от земных властей, признаваемых только наполовину и еще больше презираемых.

– Имя? – сказал клерк, снова придвинув к себе бланк.

– Билл Уильямс, – ответил Дэвид, указав имя, под которым зарегистрировал корабль.

Клерк не спросил никакого удостоверения.

– Где я смогу вас отыскать?

– Отель «Лендис», номер 212.

– Есть опыт работы в условиях низкой гравитации?

Вопросы следовали один за другим, но большая часть граф в бланке осталась пустой. Клерк вздохнул, сунул бланк в щель для автоматического микрофильмирования, подшил его и добавил к постоянным документам бюро.

Он сказал:

– Я дам вам знать, – но голос его звучал не очень обнадеживающе.

Дэвид отвернулся. Он почти ничего не ждал от этого визита, но теперь, по крайней мере, у него есть законный статус искателя работы. Следующий шаг...

Он резко повернулся. В помещение входили три человека. Малыш Верзила гневно вскочил со своего места. Теперь он стоял лицом к вошедшим, руки его свободно свисали, но оружия в них не было.

Вошедшие остановились, и тот, что стоял позади, рассмеялся и сказал:

– Похоже, здесь могучий щенок Верзила. Может, работу ищет, босс?

У говорившего были широкие плечи и приплюснутый нос. Во рту – изжеванная сигара с зеленым марсианским табаком. Ему не мешало бы побриться.

– Тише, Гризволд, – остановил передний.

Это был полный, не очень высокий человек, кожа на щеках и затылке – гладкая и ровная. Одет он был в типичный марсианский комбинезон, но из гораздо более хорошего материала, чем у остальных фермеров. Высокие сапоги были украшены розовой спиралью.

Во время своих путешествий по Марсу Дэвид Старр ни разу не встречал сапог с одинаковым рисунком, и все были кричаще яркими. Это был признак индивидуальности среди фермеров.

Верзила приблизился к вошедшим, его маленькая грудь раздувалась, лицо гневно искажилось. Он сказал:

– Мне нужны мои документы, Хеннес. Я имею право их получить.

Хеннесом оказался полный человек впереди. Он спокойно ответил:

– Ты не заслуживаешь никаких документов, Верзила.

– Но я не могу получить никакую работу без приличных бумаг. Я работал на вас два года и выполнял свое дело.

– Ты делал больше, чем просто выполнял свое дело. Прочь с дороги! – Хеннес протопал мимо Верзилы, подошел к окну и сказал: – Мне нужен опытный сеятель, хороший работник. И достаточно высокий, чтобы сменить этого малыша, от которого я избавился.

Верзила услышал это.

– Клянусь космосом, – завопил он, – ты прав, я делал больше, чем мне полагалось. Я замечал то, что не должен был замечать, вот что ты хочешь сказать. Я видел, как ты уезжаешь в пустыню ночью, а на следующее утро делаешь вид, что нигде не был. Вот меня и вышвырнули без всяких документов...

Хеннес раздраженно оглянулся через плечо.

– Гризволд, – приказал он, – убери этого придурка.

Верзила не отступил, хотя из Гризволда можно было бы сделать двух таких, как он.

– Ну, хорошо. Подходите по одному, – сказал он высоким голосом.

Но обманчиво медленной, ровной походкой к нему подошел только Дэвид Старр.

Гризволд сказал:

– Приятель, ты стоишь у меня на дороге. Мне нужно выбросить отсюда кое-какой мусор.

– Все в порядке, землянин. Пропусти его ко мне, – выкрикнул, высунувшись из-за Дэвида, Верзила.

Дэвид не обратил на это внимания. Гризволду он сказал:

– Ведь это общественное место, приятель. Мы все имеем право находиться здесь.

– Давай не спорить, приятель, – ответил Гризволд и грубо положил руку на плечо Дэвиду, намереваясь отбросить его в сторону.

Но левая рука Дэвида перехватила запястье Гризволда, а правая устремилась к плечу противника. Гризволд, вращаясь, отлетел назад и ударился о пластиковую перегородку, разделявшую помещение.

– Уж лучше я поспорю, приятель, – сказал Дэвид.

Клерк с криком вскочил из-за стола. Другие чиновники высунулись из своих окошек, но не пытались вмешаться. Верзила со смехом хлопнул Дэвида по спине:

– Неплохо для землянина.

На мгновение Хеннес, казалось, застыл. У третьего фермера, низкорослого и бородатого, с бледным лицом человека, явно проводящего слишком много времени под неярким солнцем Марса и слишком мало под искусственным освещением города, нелепо отвисла нижняя челюсть.

К Гризволду медленно возвращалось дыхание. Он потряс головой. Пнул упавшую на пол сигару. Потом поднял голову – в глазах его была ярость. Он оттолкнулся от стены, и в руке его сверкнула сталь.

Но Дэвид сделал шаг в сторону и поднял руку. Маленький изогнутый цилиндр, который обычно удобно лежал у него под правой рукой, выдвинулся из рукава в ладонь.

– Осторожнее, Гризволд. У него бластер, – крикнул Хеннес.

Дэвид приказал:

– Брось лезвие.

Гризволд выругался, но металл звякнул о пол. Верзила бросился вперед и подобрал его, усмехаясь Гризволду в лицо.

Дэвид протянул руку за лезвием и бросил на него быстрый взгляд.

– Хорошая игрушка для фермера, – сказал он. – Разве на Марсе не действует закон о силовых полях?

Это было самое отвратительное оружие в Галактике. Внешне обычное лезвие из нержавеющей стали, чуть толще обычного ножа, удобно лежащее в руку. Внутри находился крошечный генератор, создававший невидимое силовое поле, острое, как бритва, длиной не более девяти дюймов, способное разрезать любую материю. Броня против такого поля бесполезна, и,

поскольку оно с одинаковой легкостью разрезает и мышцы, и кость, его удар почти неизбежно смертелен.

Хеннес встал между ними.

– А где твое разрешение на бластер, землянин? Убери его, и будем квиты. Пошли отсюда, Гризволд.

– Минутку, – сказал Дэвид, когда Хеннес повернулся. – Вы ищете работника?

Хеннес снова повернулся к нему, брови его удивленно поднялись.

– Я ищу работника. Да.

– Отлично. А я ищу работу.

– Мне нужен опытный сеятель. У тебя есть опыт?

– Пожалуй, нет.

– Когда-нибудь убирал урожай? Пескоходом сможешь управлять? Короче, как я могу судить по твоему костюму, – он сделал шаг назад, чтобы получше разглядеть Дэвида, – ты землянин, который случайно неплохо обращается с бластером. Мне ты не нужен.

– Даже в том случае, – голос Дэвида опустился до шепота, – если я скажу, что интересуюсь пищевыми отравлениями?

Лицо Хеннеса не изменилось, и он, не моргнув глазом, произнес:

– Не понимаю тебя.

– Подумайте получше. – Дэвид слегка улыбался, но в его улыбке не было веселья.

– Работать на марсианской ферме нелегко, – сказал Хеннес.

– Я привык к нелегкой работе.

Фермер взглянул на крепкую фигуру Дэвида.

– Может, ты и прав. Ладно, мы тебя будем кормить, дадим три смены одежды и пару сапог. Пятьдесят долларов за первый год, выплата в конце года. Если весь год не проработаешь, никакой оплаты.

– Согласен. А что за работа?

– Единственная, на какую ты способен. Будешь помощником в столовой. Если хватит мозгов, сможешь продвинуться; если нет, там и проведешь весь год.

– Договорились. А как насчет Верзила?

Верзила, во время разговора переводивший взгляд с одного на другого, пронзительно воскликнул:

– Нет, сэр, я на этот набитый песком мешок не работаю! И вам не советую.

Дэвид через плечо бросил:

– А небольшая работа в обмен на документы?

– Ну, разве что с месяц, – протянул Верзила.

– Он твой друг? – спросил Хеннес.

Дэвид кивнул.

– Да, я без него не поеду.

– Беру его тоже. Один месяц, и пусть он держит рот закрытым. Никакой платы, только документы. Пошли отсюда. Мой пескоход снаружи.

Впятером они вышли, Верзила и Дэвид шли сзади.

– Я у тебя в долгу, приятель, – сказал Верзила. – Если буду нужен – только свистни.

Пескоход был открытым, но Дэвид видел щели под боками, откуда выдвигались панели, и тогда машина служила хорошим укрытием от песчаных бурь Марса. Колеса широкие, чтобы не тонули в песке. Минимум стекла, да и то сливается с металлом, как будто они родились вместе.

Кругом было полно народу, но никто не обращал внимания на самое обычное зрелище – пескоход с фермерами.

Хеннес сказал:

– Мы сядем впереди. Ты с приятелем садись сзади, землянин.

Говоря это, он занял место водителя. Приборы управления располагались перед ним на щите, выше – ветровое стекло. Гризволд сел справа от Хеннеса.

Верзила устроился сзади. Дэвид собирался последовать за ним, когда Верзила неожиданно воскликнул:

– Берегись!

Кто-то подбирался сзади. Дэвид успел полуобернуться. У дверцы стоял второй спутник Хеннеса, с бледным бородатым лицом. Дэвид действовал быстро, но было уже поздно.

Последнее, что он увидел, – блеск оружия в руке этого человека, потом слышался какой-то мягкий звук. Чувства боли не было, далекий голос произнес:

– Хорошо, Зукис. Садись сзади и присматривай за ними.

Голос, казалось, доносился с конца длинного туннеля. Потом какое-то движение – и абсолютная пустота.

Дэвид Старр упал на сиденье без признаков жизни.

Глава 4

Чужая жизнь

Рваные полосы света проплывали мимо. Дэвид Старр ощутил сильное покалывание во всем теле и давление на спину. Последнее объяснялось тем, что он лежал лицом вверх на жестком матрасе. А покалывание, как он знал, было последствием действия станнера, оружия, которое парализовало нервные окончания у основания мозга.

Прежде чем полосы света приобрели смысл, прежде чем он полностью осознал происходящее, Дэвид почувствовал, что его трясут за плечи и шлепают по щекам. Свет устремился в его открытые глаза, и он поднял ноющую руку, чтобы предотвратить следующий шлепок.

Над ним склонился Верзила, его маленькое кроличье личико с круглым вздернутым носом придвинулось совсем близко.

– Клянусь Ганимедом, я уже думал, что тебя прикончили, – сказал он.

Дэвид приподнялся на онемевшем локте.

– Я так себя чувствую, будто это почти правда. Где мы?

– В фермерской тюрьме. Бесполезно пытаться выбраться: двери закрыты, окна зарешечены. – Голос его звучал угнетенно.

Дэвид пощупал под рукой. Бластера не было. Естественно! Этого можно было ожидать.

– Тебе тоже досталось станнера, Верзила? – спросил он.

Верзила покачал головой.

– Зукис уложил меня рукоятью пистолета. – Малыш с отвращением осторожно потрогал голову. Потом выпалил: – Но я перед этим чуть не сломал ему руку.

За дверью послышались шаги. Дэвид сел. Вошел Хеннес, с ним пожилой человек с вытянутым усталым лицом. Его бледно-голубые глаза под густыми седыми бровями, казалось, постоянно щурились. На нем был городской костюм, вполне земного типа. Даже марсианских сапог на нем не было.

Хеннес заговорил сначала с Верзилой.

– Убирайся в столовую и, если только выйдешь без разрешения, будешь разорван надвое.

Верзила скорчил рожу, махнул Дэвиду:

– Пока, землянин, – и вышел с громким топотом.

Хеннес, проводив его взглядом, закрыл дверь. Потом повернулся к человеку с седыми бровями.

– Это он, мистер Макиан. Называет себя Уильямсом.

– Вы рисковали, Хеннес. Если бы он умер, вместе с ним исчезла бы ценная нить.

Хеннес пожал плечами.

– Он был вооружен. Мы не могли иначе. Во всяком случае, он перед вами, сэр.

Дэвид отметил, что они говорят о нем так, будто его здесь нет или он – неодушевленная часть кровати.

Макиан повернулся к нему, взгляд его был жестким.

– Я хозяин этого ранчо. Свыше ста миль в любом направлении – все это владения Макиана. Я указываю, кого освободить, а кого заключить в тюрьму. Я говорю, кто работает, а кто голодает, даже кто живет и кто умирает. Ты меня понял?

– Да, – ответил Дэвид.

– Тогда отвечай откровенно, и тебе нечего бояться. Но, если попытаешься что-нибудь скрыть, мы все равно узнаем. И тогда придется тебя убить. Ты по-прежнему меня понимаешь?

– Понимаю.

– Тебя зовут Уильямс?

– Таково мое имя на Марсе.

– Ладно. Что ты знаешь о пищевых отравлениях?

Дэвид спустил ноги с кровати и начал рассказывать:

– Моя сестра умерла, когда поела хлеба с джемом. Ей было всего двенадцать лет, и она лежала мертвая, а на губах джем. Мы вызвали врача. Он сказал, что это пищевое отравление, и велел ничего не есть в доме, пока он не вернется со специальными инструментами. Но он так и не вернулся. Вместо него пришли другие. Пришел большой начальник. С ним сыщики. Начальник велел нам описать все происшедшее. И сказал, что это был сердечный приступ. Мы пытались спорить с ним. Это нелепо: у сестры было здоровое сердце. Но он нас не слушал. Сказал, что, если будем распространять глупые сплетни о пищевом отравлении, у нас будут неприятности. Банку джема он забрал с собой. Даже рассердился на нас за то, что мы вытерли джем с губ сестры. Я попытался связаться с врачом, но медсестра уверяла, что его нет. Я ворвался в кабинет – врач был там. Он сказал, что его диагноз неверен. Он, похоже, боялся разговаривать со мной. Я пошел в полицию, но там меня не стали слушать. Джем из банки, которую забрал тот человек, был единственным, чего в этот день не ели остальные. Банку только что открыли, ее привезли с Марса. Мы люди старомодные и предпочитаем обычную пищу. Джем был единственным марсианским продуктом в доме. Я рылся в газетах, пытаюсь выяснить, были ли еще случаи пищевых отравлений. Все это казалось мне очень подозрительным. Я даже поехал в Интернациональный Город. Ушел с работы и решил так или иначе выяснить, кто убил мою сестру, кто за это отвечает. Но всюду наткнулся на глухую стену, а потом появились полицейские с ордером на мой арест. Я почти ожидал этого и опередил их на шаг. Сюда, на Марс, я явился по двум причинам. Во-первых, это единственная возможность не попасть в тюрьму (хотя сейчас мне так уже не кажется), во-вторых, потому что кое-что я все-таки узнал. В ресторанах Интернационального Города было несколько случаев подозрительных смертей, и во всех этих случаях к столу подавали марсианские деликатесы. Поэтому я решил, что найду ответ на Марсе.

Макиан тер пальцем подбородок. Он сказал:

– Звучит правдоподобно. Как вы считаете, Хеннес?

– Нужно взять у него имена и даты и все проверить. Мы ведь не знаем, кто он на самом деле.

Голос Макиана звучал почти жалобно:

– Вы ведь понимаете, что мы не можем этого сделать. Я не хочу, чтобы поползли слухи. Это поставит под угрозу синдикат. – Он повернулся к Дэвиду. – С тобой поговорит Бенсон, наш агроном. – Потом снова повернулся к Хеннесу: – Оставайтесь здесь до прихода Бенсона.

Примерно через полчаса пришел Бенсон. Все это время Дэвид лежал на кровати, не обращая никакого внимания на Хеннеса, тот отвечал ему тем же.

Открылась дверь, и послышался голос:

– Я Бенсон.

Мягкий неуверенный голос принадлежал круглолицему человеку лет сорока, с редкими волосами песочного цвета и в очках без оправы. Его маленький рот растянулся в улыбке, и он произнес:

– А вы, вероятно, Уильямс?

– Верно, – ответил Дэвид Старр.

Бенсон внимательно оглядел молодого землянина, как бы исследуя его взглядом. Потом спросил:

– Вы расположены к насилию?

– Я безоружен, – ответил Дэвид, – и нахожусь на ферме, полной людей, готовых убить меня, если я что-то сделаю не так.

– Верно. Не оставите ли нас, Хеннес?

Хеннес вскочил на ноги.

– Это опасно, Бенсон.

– Пожалуйста, Хеннес. – Бенсон кротким взглядом посмотрел сквозь очки.

Хеннес что-то проворчал, раздраженно шлепнул рукой по голенищу сапога и вышел. Бенсон закрыл за ним дверь.

– Видите ли, Уильямс, за последние полгода я стал тут важной шишкой. Даже Хеннес меня слушается. Но я все еще не привык к этому. – Он опять улыбнулся. – Скажите. Мистер Макиан говорит, что вы были свидетелем смерти в результате пищевого отравления.

– Умерла моя сестра.

– О! – Бенсон покраснел. – Извините. Я понимаю, это для вас болезненная тема, но не расскажете ли подробности? Это очень важно.

Дэвид повторил то, что рассказывал раньше Макиану.

Бенсон спросил:

– И все произошло быстро?

– От пяти до десяти минут после еды.

– Ужасно. Ужасно. Вы даже не понимаете, как это ужасно. – Он нервно потирал руки. – Во всяком случае, я хочу кое-что объяснить вам, Уильямс. И хотя о многом вы догадались сами, я чувствую вину за смерть вашей сестры. Все мы на Марсе виноваты, пока не раскроем загадку. Видите ли, эти отравления продолжаются уже несколько месяцев. Кое-кто из нас начинает понимать суть происходящего.

Мы проследили путь всей отравленной пищи и уверены, что ее нет ни на одной ферме. Но кое-что выяснилось: вся отравленная пища отправляется из Винград-сити; остальные два города ни при чем. Это, несомненно, указывает на источник инфекции в самом городе, и Хеннес занимается этим направлением. Он по ночам ездит в город в собственные разведывательные экспедиции, но пока ему ничего не удалось выяснить.

– Понятно. Это объясняет замечание Верзины, – сказал Дэвид.

– Что? – Лицо Бенсона удивленно дернулось, потом прояснилось. – А, вы имеете в виду того малыша, который все время кричит. Да, он однажды заметил отъезд Хеннеса, и Хеннес вышвырнул его с фермы. Хеннес очень вспыльчивый человек. Я думаю, он был не прав... Нет никакого сомнения, что весь яд проходит через Винград-сити. Это порт целого полушария.

Сам мистер Макиан считает, что инфекция сознательно распространяется какими-то людьми. Он и некоторые другие члены синдиката получили предложения продать фермы по смехотворно низким ценам. Но есть ли связь между предложением и этой ужасной историей?..

Дэвид внимательно слушал. Потом спросил:

– А кто сделал эти предложения?

– Откуда нам знать? Я видел письма. Там говорится, что, если предложения будут приняты, синдикат получит закодированное послание на определенной волне. В письмах также говорится, что с каждым месяцем цена будет понижаться на десять процентов.

– А нельзя проследить, откуда эти письма?

– Боюсь, что нет. Они пришли обычной почтой с пометкой «Астероиды». Можно ли отыскать кого-нибудь в астероидах?

– Поставили ли в известность Планетарную полицию?

Бенсон негромко рассмеялся.

– Думаете, мистер Макиан или любой другой член синдиката обратится по такому поводу в полицию? Для них это объявление войны. Вы не понимаете марсианский менталитет, мистер Уильямс. Здесь не обращаются к закону, если уверены, что справятся самостоятельно. Ни один фермер так не поступит. Я предложил, чтобы информацию довели до сведения Совета Науки, но мистер Макиан не согласился даже на это. Он сказал, что Совет и так этим занимается – без всякого успеха, и он постарается обойтись без него. И тут на сцене появляюсь я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.